

Н.С.Лесков. Смех и горе

Собрание сочинений в 11 томах. Т. 3.

М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957

OCR Маханов Т.Т.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Свежий мартовский ветер гулко шумел деревьями большого Таврического сада в Петербурге и быстро гнал по погожему небу ярко-красные облака. На дворе было около восьми часов вечера; сумерки с каждой минутой надвигались все гуще и гуще, и в небольшой гостинной опрятного домика, выходившего окнами к одной из оранжерей опустелого Таврического дворца, ярко засветилась белая фарфоровая лампа, разливавшая тихий и ровный свет по уютному покою. Это было в одном дружеском семействе, куда я, дядя мой Орест Маркович Ватажков и еще двое наших общих знакомых только что вернулись с вербного базара, что стоит о Лазаревой субботе у Гостиного двора. Мы все пришли сюда прямо с этого базара и разговорились о значении праздничных сюрпризов.

Семейный дом, в котором мы собрались, был из числа тех домов, где не спешат отставать от заветных обычаев. Здесь известные праздничные дни отличаются от простых дней года всеми мелочами, какими отличались эти дни у отцов и дедов. Тут непременно поздний обед при звезде накануне рождества; кутья по Предтече в крещенский сочельник; жаворонки детям 9 марта, а в воскресенье пред страстной неделей вербные подарки. Последние обыкновенно состояли из разных игрушек и сюрпризов, которые накануне с вечера закупались на вербном базаре у Гостиного двора ц рано утром подвешивались на лентах под пологими детских кроваток. Каждый подарок украшался веткою вербы и крылатым херувимом... Дети были уверены, что вербные подарки им приносит сам этот вербный херувим или, как они его называли, "вербный купидон".

Об этих подарках и зашла теперь речь: все находили, что подарки - прекрасный обычай, который оставляет в детских умах самые теплые и поэтические воспоминания; но дядя мой, Орест Маркович Ватажков, человек необыкновенно выдержанный и благовоспитанный, вдруг горячо запротестовал и стал настаивать, что все сюрпризы вредны и не должны иметь места при воспитании нигде, а тем паче в России.

- Потому, - продолжал дядя, - что здесь и без того что ни шаг, то сюрприз, и притом самый скверный; так зачем же вводить детей в заблуждение и приучать их ждать от внезапности чего-нибудь приятного? Я допускаю в виде сюрприза только одно - сечь ребенка.

Все переглянулись; кое-кто улыбнулся.

- Это и понятно, что Оресту Марковичу неприятно говорить о детях и о детстве, - сказала хозяйка. - Старые холостяки не любят детей.

- "Опять должен вам возражать, - отвечал дядя. - Хотя я уже и действительно в таких летах, что не могу обижаться именем старого холостяка, но тем не менее детей я люблю, а сюрпризы для них считаю вредными, потому что это вселяет в них ложные надежды и мечтания. Надо готовить детей к жизни сообразно ожидающим их условиям, а так как жизнь на Руси чаще всего самых лучших людей ни за что ни про что бьет, то в виде сюрприза можно только разве бить и наилучших детей и то преимущественно в те дни, когда они заслуживают особой похвалы.

- Вы чудачествуете, Орест Маркович?

- Нимало: вербные купидоны для меня, как и для ваших детей, еще не перешли в область прошедшего, и я говорю о них даже не без замирания сердца.

- Это шутка?

- Нисколько. Что за шутка серьезными вещами,

- Так это история?

- Даже несколько историй, если вам угодно: лучше сказать, это такое же *potpourri* (Попурри (франц.)) из сюрпризов, как бывает *potpourri* из песен.

- И вы, может быть, будете так любезны, что расскажете нам кое-что из вашего *potpourri*?

- Охотно, - отвечал мой дядя, - тем более, что здесь и тепло, и светло, и приятно, и добрые снисходительные слушатели, а мое *potpourri* варьировано на интереснейшую тему.

- А именно?